

774.981

А. Коган

СТИХИ
И СУДЬБЫ

Фронтальная
тема
в советской
поэзии

Джек Алтаузен

Борис Богатков

Мирза Геловани

Семен Гудзенко

Владислав Занадворов

Павел Коган

Борис Котов

Василий Кубанев

Михаил Кульчицкий

Юрий Левитанский

Николай Майоров

Александр Межиров

Алексей Недогонов

Георгий Суворов

Павел Шубин

А.Коган

СТИХИ И СУДЬБЫ

Фронтальная
тема
в советской
поэзии

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1977

В том же 1942 году, что и Гершензон, под Новороссийском, выводя разведотряд, погиб другой военный переводчик — молодой поэт Павел Коган, автор стихов высокого накала, которые еще долгие годы оставались неизвестны читателю, распевавшему «Бригантину», даже не зная зачастую имени ее создателя...

Мы никогда не выпивали вместе
И за полночь не спорили вдвоем.
Но старый дом в Ростокинском проезде¹
Неотделим от памяти о нем.
Я помню осень, теплую на диво:
Москва. ИФЛИ. Тридцать девятый год.
В аудитории темно от дыма,
И лезут первокурсники вперед...
Читали все. Но как притихли все мы,
Когда, стихов откинув капюшон,
Наш современник из твоей поэмы
К нам запросто в сообщество сошел...

Эти стихи (написанные мною уже после войны) читались в 1946 году на вечере памяти Павла Когана. Сегодня это кажется непостижимым, но факт остается фактом: к тому дню не было издано ни строчки поэта, погибшего за Родину...

Тогда возникали горькие слова:

¹ В Ростокинском проезде Москвы помещался до войны Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ). В воспоминаниях А. Леонтьева о Павле Когане этот институт и это время охарактеризованы так:

«Никто из тех, кто учился в Московском институте истории, философии и литературы (ИФЛИ), не забудет этот институт. Мы считали его самым лучшим в мире, хотя в шутку называли его Институтом Флирта и Любовной Интриги. Но то в шутку... Мы учились в этом институте в суровые и трудные годы (1936—1941), годы, богатые радостными и горькими, трагическими событиями — в нашей стране и за рубежом. Пылала в огне Испания. На нашу родину надвигалась самая тяжелая, самая страшная и жестокая из всех войн, какие знала история человечества. Мы жили ощущением этой войны. Это, собственно, и было главной темой стихов Павла Когана».

(Алексей Леонтьев. Павка.— В сб.: «Сквозь время». М., «Советский писатель», 1964, с. 63. В дальнейшем ссылки на этот сборник особо не оговариваются.)

Еще хранят тоску воспоминаний
Все те, с кем пил, и те, с кем не пил он...
Но юноши с иными именами
Уже приходят к музам на поклон.

Они его не слыхивали славы.
Что им теперь до рассказней сухих,
Что некогда какой-то Коган Павел
Писал вполне приличные стихи.

Писал — и бог с ним! Им не надо бога
(Он сам — живой — не жаловал богов!).
...Преемники идут своей дорогой,
И эрудиты спорят о другом...

Как автор этих строк, я рад сегодня признать: время опровергло горечь моих размышлений. Благотворные изменения в нашей идеологической жизни коснулись и поэзии. Выходящие начиная со второй половины 50-х годов сборники Павла Когана, Николая Майорова, Всеволода Багрицкого, Михаила Кульчицкого, Елены Ширман, Василия Кубанева, Георгия Суворова расходятся мгновенно... Но и среди них выделяется вышедший в 1964 году отличный сборник «Сквозь время», в котором, кроме Павла Когана, представлены еще три молодых поэта, погибших в боях за Советскую Родину: Михаил Кульчицкий, Николай Майоров, Николай Отрада. Представлены собственными стихами и воспоминаниями о них, принадлежащими перу таких писателей, как Илья Эренбург, Илья Сельвинский, Сергей Наровчатов, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Михаил Львов, Даниил Данин, Михаил Луконин. Читательская реакция на этот мгновенно разошедшийся сборник (та же судьба постигла и другие, ему подобные) подтвердила, что нам по-прежнему дорог идейный, поэтический и душевный опыт «поколения сорокового года» (выражение Д. Самойлова) и что дорога преемников продолжается, а не перечеркивает дорогу тех, кто ушел раньше... Стихи эти, написанные большей частью в предвоенные годы (все участники сборника воевали в строю, и стихи писались урывками) и ярко отразившие мироощущение своего времени, раскрывающие даже не столько саму войну, сколько истоки того мужества, с которым вели себя на войне «лобастые мальчики невиданной революции... в двадцать пять внесенные в смертные режиссерские списки» (Павел Коган), — стихи эти тем не менее удивительно органично вписались в современный литературный процесс.

В чем объяснение такого исторического парадокса?

Ведь в этих стихах нет ничего такого, что сегодня, с высоты прожитых лет, восхищало бы какой-то особой дальновидностью, зоркостью, глубиной понимания того, что происходило в стране в предвоенные годы. Не надо подымать авторов этих стихов на ходули, приписывать им задним числом и то, чем они не обладали: они сами, точно предвидя подобную опасность, восставали против нее.

Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!

(Павел Коган)

...Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

(Николай Майоров)

Сыны своего времени, они разделяли с ним не только его идеалы, но и его иллюзии. Оттого-то поразительные по силе прорыва в будущее мысли и чувства уживаются со столь же поразительной житейской наивностью; страстная мечта о будущем, о коммунизме, вера в «прекрасного, доброго, сильного человека будущего» — с максималистским желанием проскочить в это будущее «с ходу», не задерживаясь, с неистовой жаждой (скорее! скорее!) разрубить (а не развязать) узлы противоречий, «пашкой Щорса врубиться в лучезарный век», — ведь «коммунизм опять так близок, как в девятнадцатом году» (М. Кульчицкий).

Да, сегодня многое видится иначе — в том числе и тем их сверстникам и соратникам, которым довелось остаться в строю живых; многое бы, вероятно, сегодня виделось иначе и им самим... Но уже тогда, в конце 30-х, ими было точно увидено и почувствовано главное, ведущий конфликт эпохи — надвигающаяся гроза, битва между социализмом и фашизмом. Об этом точно сказано у Когана:

Я слушаю далекий грохот,
Подпочвенный, неясный гуд.
Так подымается эпоха,
И я патроны берегу.
Я крепко берегу их к бою.
Так дай мне мужество в боях.
Ведь если бой, так я с тобою,
Эпоха громная моя.

Это чувство было общим. Михаил Луконин в своих воспоминаниях об Отраде говорит об этом так:

«В литературу мы приходили поколением, опоздавшим к боям в Октябре. Мы жаждали боя за Родину, и было предчувствие этого боя».

М. Кульчицкий писал в 1939 году:

Военный год стучится в двери
Моей страны. Он входит в дверь.
Какие беды и потери
Несет в зубах косматый зверь?
Какие люди возметутся
Из поражений и побед?
Второй любовью Революции
Какой подымется поэт?

Обостренное ощущение надвигающейся грозы, которая для многих из них — они это чувствуют — может оказаться последней, рождало порой строки, одновременно и очень разные (не только по ритму, но и по интонации), и поразительно, до дословности схожие:

Я сегодня весь вечер буду,
Задыхаясь в табачном дыме,
Мучаться мыслью о каких-то людях,
Умерших очень молодыми,
Которые на заре или ночью
Неожиданно и неумело
Умирали, не дописав неровных
строчек.

Не долюбив,
не досказав,
не доделав.

(Борис Смоленский, 1939)

Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

(Николай Майоров, 1940)

Мысли эти приходили неспроста. В чужой судьбе созревалась и собственная.

Они знали: может быть, придется в бою лечь и не встать. Но это не парализовало их готовности к бою, хотя предчувствие этой схватки накладывает трагический отсвет не только на их судьбу, но и на их поэзию.

М а й о р о в:

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун нестираный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки.

К о г а н:

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.
.....
И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы
И уж не встать...

К у л ь ч и ц к и й:

На двадцать лет я младше века,
Но он увидит смерть мою,
Заката горестные веки
Смежив...

Рядом с этими — ныне широко известными — строками заслуживают быть процитированными и другие — еще не очень умелые, наивные, но столь же искренние. Их автор — Симион Моспан, молодой молдавский поэт, также погибший на фронте (стихи эти в центральных издательствах не выходили; цитирую их в присланном мне переводе В. Бугаевского):

Верю я в недолгую разлуку,
Дома буду о войне писать.
Если правую утрачу руку —
Левой научусь перо держать.

Об одном грущу я: коль придется
Мне погибнуть на полях войны —
Томика стихов не наберется
От меня на память для страны.

Какие разные по интонации строки! И при этом — какая общность чувства! Мужество, уверенность в правоте раз выбранного пути, готовность пройти его до конца; не аскетизм, не жертвенность, а счастье оттого, что им будут завидовать до слез «мальчишки иных веков» (П. Коган)... И — чувство локтя, убеждение, что уходишь не напрасно, что «если я прекращусь в бою — // не другую песню другие споют» (М. Кульчицкий); что «если бы в марте тогда мы поменялись местами, // он сейчас обо мне написал бы

вот это» (Михаил Луконин, «Колле Отраде»)... Круг раздумий молодых поэтов широк, в него входят все бури века; но первое и главное в этих раздумьях — Россия, коммунизм. Два эти слова для них — не абстрактные понятия; недаром они так часто стоят вместе у Кульчицкого и Когана. Русские березы, без которых поэт бы «сдох от ностальгии в любом кокосовом раю», появились в стихах Когана еще в 1940—1941 годах; им же тогда было сказано: «Я патриот. Я воздух русский, я землю русскую люблю...» Но недаром недописанная глава романа начинается словами «о племени большевиков» — без них для Павла не было бы и России... И для автора поэмы о России «Самое такое» Родина и коммунизм — в одном ряду.

«Работа в степени романтики — вот что такое коммунизм» для Кульчицкого — поэта, вслед за Маяковским мечтавшего о том времени, когда «только советская нация будет и только советской расы люди», в борьбе за это видевшего мировое предназначение Советской России, за это отдавшего жизнь...

В стихах поэтов, о которых здесь идет речь, сильна романтическая струя. Она проявлялась не только в образной системе — повышенной гиперболичности Кульчицкого, неожиданности когановских метафор. Речь шла о большем: юношеский «максимализм» стиля (могущего кое-где показаться риторичным, а кое-где и действительно впадающего в риторику, искупаемую только ее абсолютной честностью) сам был порождением и отражением активно-романтической этики революции, юношески бескомпромиссных и беспощадных требований к жизни: к другим людям и прежде всего — к себе самим. Недаром все вспоминающие о них подчеркивают эту общую черту их жизни и поэзии.

С. Наровчатов: «В Павле Когане уживалась рядом с глубокой нежностью жестокая непримиримость. Он не любил людей, как он сам говорил, «промежуточных». В одном разговоре он мне сказал: «Не понимаю, как можно воздерживаться от голосования. Я бы вообще запретил эту формулу. Ты или «за» или «против». В этом был весь Павел... Он был жесток, но очень сдержан в разговорах с теми, кто ему не нравился, и был нежен, но и крайне требователен к своим друзьям и единомышленникам».

А. Леонтьев: «Философия целого поколения с его юношеской романтикой, страстью, категоричностью, не-

примиримостью выражена в последних строках стихотворения Павки «Гроза»:

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!

Читая эти строчки, Павел рубил воздух рукой и резко отводил ее вправо — углом. Жить только так. Никаких овалов. Никаких компромиссов, никакой пощады врагу, никакой жалости к самому себе... Прочитав стихи, он требовал любого, но прямого ответа, терпеть не мог фальши».

Д. Данин (о Майорове): «Он легко возбуждался, весь розовел. Он не щадил чужого самолюбия и в оценках поэзии бывал всегда резко определенен».

«Самое страшное в мире — это быть успокоенным», — декларирует Кульчицкий. Сказано на самой высокой ноте, кажется, голос вот-вот сорвется, — нет, не ломается...

Откуда у них эта непримиримая остроугольность, этот максимализм нравственных требований, стремление любой ценой докопаться до сути, до «да» или «нет», ненависть к мещанской промежуточности, неопределенности, к героям «оговорочки», ставка на «откровенное железо» — то, что так влекло четвертого из поэтов, напечатанных в сборнике «Сквозь время», — погибшего еще на финской Николая Отраду? Вот что он писал в стихотворении «Футбол»:

Я находил в нем маленькое сходство
с тем в жизни человеческой, когда
идет борьба прекрасного с уродством
и мыслящего здраво

с сумасбродством.

Борьба меня волнует, как всегда.
Она живет настойчиво и грубо
в полете птиц, в журчании ручья,
определенна,

как игра на кубок,
где никогда не может быть ничья.

Последнюю строчку товарищ Отрады, М. Кульчицкий, недаром взял эпиграфом к главе V поэмы о России — главе, носящей название «Поколение Ленина». Она, эта строка, была подкреплена всей судьбой Отрады — до последнего шага, когда он на требование белофиннов: «Москва, сдавайся!» — ответил на весь лес: «Москва не сдается!»

Откуда это в них? От юности? Да, конечно. Но прежде всего — от романтики революции. От ее нравственных норм!

«Бескорыстие революции заполнило душу Кульчицкого», — вспоминает Григорий Левин, видя в этом «общую черту поколения — протест против схематичности, «официозности» в раскрытии большой политической темы времени».

Их поэзию делал романтической не «отлет» от жизни, а высота чувств и помыслов, высота нравственного идеала, провозглашенного и осуществленного прямо и бескомпромиссно. Вот почему при всей книжности аллегорий (в той же «Бригантине»), при всей условности, порою литературной вторичности образов (скажем, стихов о Щорсе у Кульчицкого), их романтическая поэзия была реалистична в главном — в передаче точно услышанного и многократно усиленного стихом пульса времени. Это была романтика не легковесных фанфар, а обостренного ощущения тревоги «подпочвенных гудов». А. Леонтьев в своих воспоминаниях о Павле Когане говорит об этом так:

«Предстоящую войну Павел, в отличие от некоторых известных тогда поэтов, не рисовал в радужных красках. Не писал о малой крови и скорой победе. Он ненавидел сладкий сироп. Он твердо знал, что мы победим. Но он знал и другое: будет пролито много крови и многие не вернуться...

Это не была тема жертвенности. Нет, это были раздумья, полные суровой романтики, невыразимой горечи и правды, правды без прикрас».

Пожалуй, именно здесь следует искать ответ на вопрос: что позволило этим стихам пройти сквозь время? Что влечет к ним сегодняшнего читателя, и прежде всего сегодняшнюю молодежь? Бескомпромиссность? Прямота? Ненависть к мещанству? Одним словом, романтика? Да, конечно, это прежде всего романтика идеала, но это — повторяю — и романтика жизненной правды, а не «отлета» от жизни...

Ни Коган, ни его товарищи по поэзии не были, говоря сегодняшним языком, абстрактными гуманистами. Отталкиваясь от слепой жестокости, они в то же время ненавидели пассивное непротивленчество, равнодушие к чужой беде, тактику соглашательства, примиренчества, уступок злу. Они знали: без боя фашизм не сломить! И готовились к бою. Об этом — проверенном затем в огне войны — одно из самых сильных стихотворений Майорова, написанное еще перед Великой Отечественной, во время войны с белофиннами. Оно свидетельствует, как непросто, в каких напря-

женных исканиях ковался идейно-нравственный кодекс поколения, готовившегося к боям за Родину, каких усилий стоило людям, рожденным с прекрасными, чистыми душами, ненавидящими страдание как «позор мира» (Горький), — каких усилий стоило им подавлять в себе на время борьбы чувства светлые, нежные, учиться той беспощадности к врагу, без которой не добыть было победу:

Тогда была весна. И рядом
с помойной ямой на дворе
в простом строю, равняясь на дом,
мальчишки строились в каре
и бились честно. Полагалось
бить в спину, грудь, еще — в бока.
Но на лицо не подымалась
сухая детская рука...

А за рекою было поле, —
там, сбившись в кучу у траншей,
солдаты били и кололи
таких же, как они, людей.
И мы росли, не понимая —
зачем туда сошлись полки:
неужли взрослые играют,
как мы, сходясь на кулаки!
Война прошла. Но нам осталась
простая истина в удел,
что у детей имелась жалость,
которой взрослый не имел.
А ныне вновь война и порох
вошли в большие города
и стала нужной кровь, которой
мы так боялись в те года.

В стихах такого рода романтика книжная проверялась жизнью, человечностью. Эта линия развития молодых поэтов кажется мне самой важной. В сущности, это и есть путь в большую, подлинную поэзию — путь, который они успели пройти далеко не в полной мере.

Д. Самойлов пишет о Павле Когане: «Его поэзия начиналась с преодоления условно-романтического строя ранних стихов, в которых атрибуты «гриновской» романтики стесняли проявление его сильного политического темперамента. Он подходил вплотную к «реализму чувств».

Эти справедливые слова относятся не к одному Когану. И в предвоенных стихах Кульчицкого война представляла в условно-книжном, подчеркнуто-романтическом, «балладном» оформлении:

Приходит бой с началом жатвы.
И гаснут молнии в цветах,
Но молнии — пружиной сжаты
В затворах, в тучах и в сердцах...

Для Когана и Кульчицкого поэт — солдат — рабочий —
неразрывны:

Мое поколение — это зубы сожми
и работай,
Мое поколение — это пулю прими
и рухни.
(П. Коган)

Славлю солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет.

(М. Кульчицкий)

Немного риторично, но — искренне. Накал высок...

А вот какие поправки — не только в тему, но и в тон —
внесла война.

Стихотворение (это последнее из дошедших до нас
стихотворений Кульчицкого датировано 26.XII.1942) на-
чинается с *пародирования* прежних, условно-романтиче-
ских приемов изображения войны, с *иронического проща-
ния* с ними:

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
вертящихся пропеллерами сабель...
Я раньше думал: «Лейтенант»
звучит: «Налейте нам»,
и, зная топографию,
он топает по гравию.

Так думалось *раньше*. *Теперь* — не то:

Война ж совсем не фейерверк,
а просто — трудная работа,
когда —
черна от пота —

вверх

скользит по пахоте пехота.

Марш!

И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чеботы
весом хлеба в месячный паек.

Такого — не пережив — не придумать! Ни сравнения глины с месячным пайком хлеба, ни точно найденного обозначения действия («скользит по пахоте пехота»)...

Поэты, оказавшиеся на фронте, — самые разные! — пишут об этом, не стовариваясь:

Теперь, мой друг и собеседник,
Романтика и пот рубах
Уже не вымысел и бредни,
А наша трудная судьба.

(Из стихов Николая Овсянникова — поэта-«ифлийца», павшего в боях за Родину. Приводится по сб. «Имена на поверке»)

Романтика седых ночей,
Романтика солдатских щей.

(Павел Винтман, 1940)

Последние строчки (они написаны студентом Киевского университета, добровольно ушедшим на войну с белофиннами; напечатаны в сборнике «Имена на поверке») еще по-юношески прямолинейны, декларативны. Но вот уже сравнительно недавно, в подборке «Комсомольской правды»¹, до нас дошло еще несколько стихотворений Винтмана, где это же чувство нашло на этот раз свое естественное, органичное выражение:

Нет, не романтичный парус,
Не коней степной галоп...
Паровоз, сверкая паром,
Длинный поезд поволок.

Вот еще один пример, быть может, самый яркий. В канун 25-летия Победы в еженедельнике «Литературная Россия» были напечатаны (в воспоминаниях Марка Соболя) стихи Сергея Аракчеева «Безымянное болото»:

Мы в том болоте сутки спали стоя,
Нас допекали мухи и жара.
Оно было зеленое, густое,
Там от застоя дохла мошкара.
Там не хотели рваться даже мины
И шли ко дну, пуская пузыри...
И если б не было за ним Берлина —
Мы б ни за что сюда не забрели.

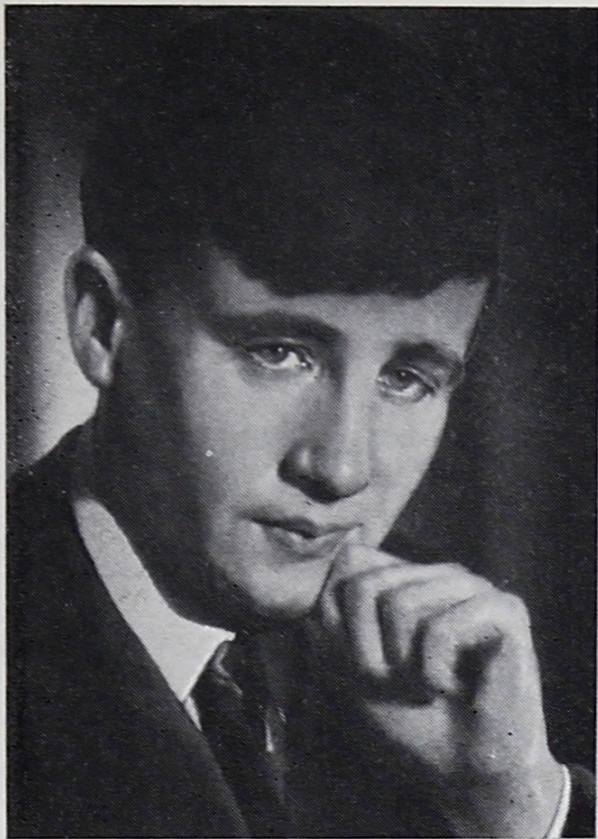
¹ 1973, 31 июля (под рубрикой «Вечный огонь»).

В чем секрет его воздействия? Романтика? Но, кажется, что уж тут романтичного: мухи, дохнувшая мошкара, даже мины отказываются рваться. На первом плане не кровь и даже не пот, а *грязь войны*, ее — по определению Шолохова — *безобразная простота*. А вместе с тем — как освещают «чернорабочий подвиг» людей, прошедших через *такое*, последние две строчки; каким осмысленным становится в их свете казавшееся до сих пор вызывающе антиэстетичным нагнетание «натуралистических» подробностей...

Речь — не о традициях, не о влияниях, — об общности жизненного опыта, диктующего и сходные поэтические решения.

4

В предыдущей подглавке мы рассматривали преимущественно стихи поэтов, представленных в сборнике «Сквозь время». Сборнике, как я уже говорил, во многих отношениях — уникальном, «правофланговом» темы, открывшем у нас дорогу целому ряду подобных изданий (по преимуществу индивидуальных) и во многом определившем их тип. Изданий, в которых стихи соседствуют с документом, а судьба писательская — как бы у нас на глазах — вырастает из судьбы человеческой. Дальше (в главе «Передай по цепи!..» Но передай — точно!») я буду подробнее говорить именно о характере подобных изданий, о тех приобретениях и потерях, которые тут наметились. Сейчас же обратимся к сборникам иного типа: сборникам, включающим в себя творчество сразу многих погибших поэтов, по преимуществу — молодых, но не только... И среди них, прежде всего, — к фундаментальному сборнику «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», выпущенному впервые в большой серии «Библиотеки поэта» в 1965 году, к 20-летию Победы, и затем — переизданному, а также к сборникам «Стихи остаются в строю», «Имена на поверке», к выпускаемой «Советской Россией» серии «Пять обелисков» (вып. 1—4) и другим изданиям такого типа; в отдельных случаях будут здесь цитироваться и стихи, напечатанные в томе 78 «Литературного наследства» или вошедшие в персональные посмертные сборники погибших (например, Бориса Богаткова, Георгия Суворова, Ивана Рогова и др.). Цель такого широкого «охва-

Павел Коган

Михаил Кульчицкий

Николай Майоров

Николай Турочкин (Отрада)

